

Астафьев Виктор Петрович Старый да малый astafevvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Сто лет стояла на земле деревня Полуяры. И семьдесят лет прожила в ней Меланья Тимофеевна. Сто войн, а может, и больше, гремело на земле, и все они стороной обходили Полуяры. Жила бабка Меланья Тимофеевна спокойно в своем доме, с дочерью и зятем, а потом осталась с внуком Колькой. Дни Меланьи Тимофеевны всегда были заполнены до краев привычными делами и заботами. Да и дней-то земных осталось у нее мало. Дожить бы их спокойно и отправиться к родителям своим. Потрудились на своем веку, никому свет не застила, добра людям немало сделала, и они ей тоже. Добрыми делами и красна жизнь. Одна, самая большая война докатилась и до Полуяров. Колька болел, и бабка Меланья Тимофеевна тоже болела. Забились они на печь и дрожали в ознобе или метались в жару. Бабка, преодолевая слабость, утрами спускалась с печи и подавала Кольке водицы, сыпала курам овса, топила печь. Люди к ним не заходили. Людям было не до них. Отец Кольки воевал, мать тоже: медицинской сестрой. Фронт перевалил Полуяры, где теперь отец и мать, Колька не знал, и бабка тоже про них ничего не знала. Однажды в избу ввалились они? враги. Трое. Носами потянули, потом бабку Меланью Тимофеевну за ногу дернули. Она с печи голову свесила: ? Чево нада? ? Млеко, яйки! ? Дьявола плешивого не хотите? ? Поинтересовалась бабка и, обнаружив, что чужеземцы не поняли насчет дьявола, крикнула: ? Убирайтесь из дому! Больные мы. Тиф! Немцы вытарасили глаза и попятнулись, будто кто на них грудью надвинулся и потеснил к двери. Во дворе они подняли пальбу. ? За курями охотятся! ? встrepенулась бабка и наладилась вниз спускаться. Колька схватил ее обеими руками и захныкал: ? Не ходи, баб, не ходи! Убьют. Меланья Тимофеевна негодуяще размахивала руками, но все-таки смирилась, уступила больному внуку. Насчет тифа бабка наврала. Когда фронт подходил к Полуярам, надоумил их один добрый человек отыскать госпиталь, в котором работала дочь Меланьи Тимофеевны. Долго колесили по земле бабка с внуком, много госпиталей видели, да не нашли того, который им нужен был. Разве госпиталь-то один на свете?! Полосовало старого и малого дождем, секло ледяной крупой, а они все шли и шли, надеясь отыскать или же нечаянно встретить среди военной суеты, среди тысяч людей хоть кого-нибудь из двух родных человек. Но затерялись они, вовсе затерялись в людской коловерти, куда-то занесли их нерадостные военные дороги, дороги отступления. Потеряли бабка с внуком всякую надежду на встречу и притащились домой. Простыли, ослабели, едва до деревни добрались. И тут скрутила внука, а потом и бабку хворь. Два человека в доме, и оба больные? плохо, совсем плохо. Бабка парит в печке до ярости жгучую траву, дает Кольке пить настой и сама пьет. Ночью на печи шуршат тараканы, за окном, в трубе ветер воет, и слышатся нерусские крики, хрип автомобильных гудков. Изредка хлопают, как деревья в мороз, выстрелы, да воют одичавшие собаки. Бабка в бессонные ночи творила молитву на новый лад: ? Чтоб вам, смердящим мокрицам, ни дна ни покрывки! Чтоб вы, нехристи, околели все до единого!.. Напрасно бабка проявила находчивость и сказала насчет тифа? накликала беду, старая. Донесли, видно, те трое куда следует, и вот в избе появился немец с повязкой на рукаве, с чистенькими нашивками на воротнике мундира. За ним солдат с канистрой, наполненной керосином. Тот, что с повязкой на рукаве, был низенький, юркий. На щеках и на подбородке у него выводки бородавок, а в ушах рыжие волосы. Он деловито просеменил по избе, заглянул в горницу, затем ткнул пальцем в сторону Меланьи Тимофеевны, требуя внимания. Бабка свесила босые ноги с печки и подозрительно уставилась на чужеземца. А он весело и по-русски выкрикнул: ? Тиф! Будем сжигать. Бабка смекнула? неладно дело. Однако никакого страха не выказала, а только насупилась: ? Сам тиф всемирнай! Кто ты? лекарь или кто? ? Я есгь доктор! ? не без гордости отрекомендовался пришлый. ? Доктор Кушке. ? Коновал ты, а не доктор, коли простуду от тифа отличить не умеешь, ? буркнула бабка. Не понравились Кушке такие слова, и он замахнулся на бабку. Она смерила его презрительным взглядом с высоты печки и выкрикнула: ? Но-но, не больно рукам волю давай, а то я возьму рогач да рогачом-то по башке и налажу. У меня хозяин поширше тебя костью был и нравом лютой, да и то пальцем не трагивал. Кушке опять повысил голос, однако замахиваться уже не стал. Бабка и кричать ему не позволила, выставив довод, что, мол, если он в самом деле доктор, то не имеет никакого права гавкать. Она, бабка, в скольких больницах на своем веку побывала, и всегда доктора там были вежливые и полный порядок и тишину соблюдали. ? Это, может, у вас, в неметчине, доктора горластые, так туда и отваливай да там и ори, ? прибавила она. На это доктор Кушке ответил бабке, что германская медицина есть передовая медицина в мире, и что германская армия есть непобедимая армия, и что эта армия непременно наведет порядок в дикой стране? России. Кушке при этом напыжился, и бабка Меланья сокрушенно покачала головой; ? Звонарь? ? Что есть звонарь? ? Кушке полез в карман за блокнотом. Тут бабка не выдержала, махнув

Астафьев Виктор Петрович Старый да малый astafevvictor.ru

рукой, рассмеялась. Немец, тоже развеселился, назвал ее маткой, хлопнул по спине, пощупал у Кольки пульс, глядя на золотые наручные часы. ? Момэнт! Кушке отдал какие-то распоряжения молчаливому солдату, называя его Генрихом. Тот вытянулся, гаркнул и ушел, прихватив с собой канистру. Бабка Меланья проводила его облегченным вздохом и стала терпеливо слушать Кушке. А он опять толковал о великой германской нации, называл бабку варваром, на что бабка отвечала такой ухмылкой, будто слушала придурковатого человека, от которого умных речей ждать ? дело бесполезное. Заскрипели ворота. В окно было видно: в ограду въезжала длинная, как гроб, повозка. Повозку тянул короткохвостый пегий конь, а вожжи держал тот самый немец, которого Кушке называл Генрихом. Доктор Кушке, как потом выяснилось, был вовсе не доктор, а всего лишь фельдшер, но форсил и выламывался не хуже, чем иной профессор. Он дал бабке Меланье порошки, велел пить их регулярно и снова начал распространяться насчет благородства германской медицинкой науки. Но бабка Меланья не захотела пользоваться внука германскими лекарствами и, когда Кушке ушел, бросила порошки в лоханку да еще и плюнула туда же. Повозка и лошадь остались во дворе. Вечером заявился помощник Кушке ? Генрих и занял горницу. Он быстро навел в передней комнате немецкий порядок, все переставил на свой лад, на заграничный. Над кроватью он повесил складной портрет Гитлера, пол и стены обрызгал вонючей жидкостью. ? Только появился и уже всю избу запоганил, ? сердилась бабка Меланья, убирая со стены большую раму. В раме этой были тесно размещены фотокарточки покойных и живых родичей Меланьи Тимофеевны. Не желала бабка, чтобы достойные люди поганились в соседстве с такой нечистью, какую разместил постоялец на стене. Генрих ткнул в одну из фотографий пальцем: ? Коммунист? Это была фотография покойного мужа Меланьи Тимофеевны, убитого еще при Цусимском сражении. Снят он был в матросской форме, возле кокетливой тумбочки. ? А то не коммунист? ? съязвила бабка. ? Вон у него и значок на бескозырке. ? И тут же вполголоса прибавила: ? Моли Бога, что в живых нет, он бы из тебя кишки-то выпустил... Генрих был тыловой вояка ? санитар. Он вместе с Кушке обосновался в Полуярах и вроде бы не собирался покидать деревню. Кушке больше не заглядывал в избу бабки Меланьи. Он занимался какими-то своими делами. А какими ? бабка разузнала после. Как-то пришла она домой вся в слезах и рассказала Кольке о том, что за селом немцы расстреляли молодых девушек и парней. Расстреляли и бабкину племянницу Полю, и бабка сама видела, как Кушке бродил меж побитых людей, шупал у них руку, как тогда у Кольки, и добивал из пистолета. ? Я сразу раскумекала, что он за доктор! ? возмущалась бабка. ? Самый что ни на есть помощник смерти, самый что ни на есть лиходей! Ночью бабка потихоньку выбралась из дому и вместе с соседями похоронила тех, кого раньше кляла за агитацию и пропаганду против Бога, тех, кого срамила не раз в клубе принародно, называя супостатами и антихристами. Видно, понарошку гневалась на полуярских комсомольцев бабка, иначе зачем бы пошла их тайком хоронить, не боясь немецкой пули. Дела у немцев на фронте не ладились. В деревню все чаще и чаще привозили раненых и школу превратили в госпиталь. Там хозяйничал Кушке. Санитар Генрих приходил из госпиталя поздно, снимал шинель, запятнанную кровью, молча пил шнапс и зверем глядел на бабку Меланью и на Кольку. Однажды бабку Меланью унесла нелегкая куда-то, и она целый день не появлялась дома. Санитар пришел рано, залез в подвал, свернул головы двум курицам, которых бдительная бабка сумела-таки упрятать от немцев. В присутствии бабки Генрих не смел тронуть кур, а без нее вот добрался. Он бросил еще теплых кур на пол и заставил Кольку ощипывать перья. Колька никогда кур не теребил. Перья летели по всей избе, но дело вперед продвигалось медленно. Кольке было жаль хохлаток и не хотелось угождать немцу, может, поэтому он и работал медленно. Санитар смотрел, смотрел, а потом поджал тонкие синеватые губы и, схватив Кольку, стал выдергивать его волосы. Не торопясь, с чувством наматывал он на палец клок кудельно-мягких Колькиных волос и, упершись другой рукой в затылок мальчишки, делал рывок, приговаривая: ? Так! Так! Так! Таким методом он, должно быть, намеревался научить парнишку работать быстрее, а может, и слезы у него добыть. Но Колька не заревел, чем привел в исступление санитара. Он сунул в нос Кольке клок выдернутых волос, затем смазал упряму по затылку, затопал ногами. Пока шлялась бабка по деревне, немец сварил кур и съел их. А вечером он сидел за столом и чесал голову гребнем. На бумагу сыпались крупные вши и прытко разбегались по сторонам. Немец давил их ногтем, и они хрустели, будто конопляные зерна. Бабка Меланья плевалась, поносила постояльца последними словами. Генрих сытно отрывивал и хохотал. Колька с ненавистью глядел на лысеющую голову чужеземца, а глаза его горели лютой, немальчишеской ненавистью. Колька ждал. Но Генрих не торопился спать в этот вечер. Пил шнапс, напевал какую-то бравую песню, делал страшные глаза и орал на бабку, которая обнаружила, что он съел последних кур, и грозила ему кулаком. На этот раз дело дошло и до ухвата. Бабка выхватила его из-под печи и грохнула санитара по спине. Тот вовсе освирепел, щелкнул затвором

Астафьев Виктор Петрович Старый да малый astafevvictor.ru
карабина. И чем бы все это кончилось, трудно сказать, если бы не вмешался
Колька. Он оттолкнул бабку за печь и стал толковать немцу о том, что бабка
старая, глупая, а он, Генрих, такой сильный воин и не к лицу ему вести бой со
старухой. Генрих задумался, присмирел, но все-таки дал Кольке затрещину и пошел
спать. Оскорбленная бабка Меланья плакала на печи, намаливала всяческих напастей
на голову всех ерманцев. а постояльцу желала даже килу и другие неудобные
болезни. Кольке было жаль бабку. Он-то знал, какая она уже старенькая, немощная
и добрая. Дивился мальчишка ее бесстрашию. И где только вмещалось оно в дряхлой
старушонке! Колька обнял бабушку, утер дряблые щеки ее ладонью, отчего она
совсем ослабела, уткнулась в его острое плечо мокрым лицом. ? Не плачь, баб... Не
плачь... ? Как же не плакать? Бусурманин-живоглот в моем доме хозяйничает! А на
деревне-то что делается: грабют, стреляют, вешают! И где это наши-то, где? Ушли,
спокинули нас, сирот, на великую муку. Вот явятся зятек с дочкою, я их тоже
рогачом отхожу, чтоб воевали как следует, раз взяли-ись... ? Чего ты городишь,
старая? ? заворчал Колька. ? Они отступили по стратегическим соображениям. ? По
каки-им? ? всхлинула бабка. ? По стра-те-ги-чес-ким! ? Ой, Колюшка, может, оно
и так, может, я из ума выжила и ничего понимать не умею, только, по моим
соображениям, не надо бы отдавать свою землю врагу на поруганье... ? Ну ладно,
спи ты! Погоди вот... Поворчала еще бабка Меланья и утихла, сжалась в комочек.
Колька осторожно спустился с печи, медленно потянул столешницу, где хранились
вилки и ножи. Ящик стола скрипнул. Колька замер. Что-то бормотала во сне
бабка, храпел с прихлюпом чужеземец. На дворе прерывисто выла буксующая машина,
слышалась нерусская речь. Полосы от фар шарили по окнам, метались по избе,
бросали на пол кресты от рам. И все время, словно из-под земли, доносились
глухие удары. Это там, далеко, на фронте, били пушки. Мальчишка дрожащими руками
перебирал вилки, ложки и, наконец, отыскал нож, старый столовый нож,
закругленный на конце и сношенный на середине от долгого пользования. Пальцы
мальчишки стиснули плоскую ручку ножа. На цыпочках двинулся Колька в горницу,
нащупал косяк, остановился. И вдруг он вздрогнул, услышав встревоженный голос: ?
Колюшка, где ты? ? и уже совсем испуганный: ? Колька! Метнулась бабка с печи,
схватила Кольку, нож у него вывернула. ? Ты что? Ты что, Христос с тобой? ? со
страхом и гневом твердила бабка приглушенным шепотом. ? Погубишь себя, аспид ты
этакий! Батюшко, Колюшка, что ты надумал, родимый?! ? заревела бабка снова, а
Колька ей сквозь зубы: ? Все равно зарежу! Он куриц сожрал, голову ощипал, на
тебя с ружьем! Хоть одного угроблю! ? Колюшка, кровиночка, где же тебе совладать
с ним? Он ведь гладкий, что кабан, а ты еще ребенок. Ты вон и ножик-то такой
взял, что им даже цыпленка не резать. Потерпи уж... ? Не буду терпеть, не буду!
Ты не терпишь!.. ? Дак я уж старая, Мне уж все одно скоро помирать. Заплакал и
Колька. Бабка прижала его к сухонькой груди, дрожащей рукой по голове погладила,
целовала в завихренную макушку, выщипанную злыми руками, и ворковала что-то ему
на ухо нежное, убаюкивающее. Уснули старый да малый в обнимку. Уснули со своей
бедой и горем. А в трубе завывала, томила метель, и снег сыпался на вьюшки, и
скреблись о стены голые ветки кустов в палисаднике, и гудела вдали земля, и все
так же громко, на всю горницу храпел пьяный враг, еще не разучившийся спать
крепко. С той поры бабка Меланья особенно пристально стала следить за внуком.
Она даже в баню ходила вместо него и с отвращением натирала мочалкой глыбистую
спину постояльцу-вражине. Кольку бабка посылать боялась. Еще возьмет малый
бульжник с каменки да завезет этому шивцу по башке. Генрих мылся в бане по
часу, а то и по два. Веником он не пользовался, а истязал тело ногтями и садился
в шайку, чего на своем долгом веку бабка не наблюдала и пришла к выводу, что
немец этот ? человек дикий и вовсе некультурный. Когда развезло дороги весенней
ростепелью, а на калине под окном, как в мирное время, содомно зачирикали
воробы и па березе повисли похожие на птичьи следы сережки, вдали усилилась
канонада. Гул орудий начал приближаться к деревне. Однажды, чуть не сшибив трубы
на домах, пронеслись два голубых самолета, развернулись над деревней, будто
специально прилетели показать яркие звезды. Санитар Генрих юркнул в подполье и
настойчиво требовал, чтобы бабка Меланья Тимофеевна захлопнула западню. Но
бабка, уперев руки в бока, стояла над темным отверстием и вызывала постояльца
наверх, чтобы он разъяснил ей, что за самолеты летают, так как она сослепу никак
не разберет, чьи они. ? Да наши, наши, ? свистящим шепотом пояснял бабке внук и
тащил ее за руку к окну. Бабка Меланья отбрыкивалась от Кольки, подмигивала ему
старческими, но все еще озорковатыми глазами: дескать, я и сама с понятием, дай
человеку душу отвести. Из подполья Генрих поднялся с картошкой в подоле мундира.
Бабка миролюбиво проворковала: ? Экой угодливой стал. за овощью вот слазил в
подпол, удружил старой... Бабка Меланья вообще неузнаваемо переменялась в
отношении к постояльцу, сделалась услужливой, чем вызвала неприязнь, даже
отвращение внука. Колька не умел таить своих чувств и по-прежнему глядел на
немца с дерзким вызовом, говорил ему нехорошие слова по-русски и, когда санитар

Астафьев Виктор Петрович Старый да малый astafevvictor.ru заставлял чистить ломового коня, давать ему корм, пытался не покоряться. Меланье Тимофеевне вник прямо и выпалил: ? Выслуживаешься, старая! На что бабка отвечала его же словами: ? По стратегическим соображениям. Генрих надивиться не мог той перемене, что произошла в старом и малом. Он сначала заподозрил их в нехорошем умысле, а потом решил, что эти двое русских боятся, кабы их не прикончили под шумок во время отступления, потому и задабривают его. И от этого он обнаглел еще больше, заставлял бабку стирать заношенное, вшивое белье, по всем видам снятое с тех солдат, что умерли в госпитале. А Кольку ? драить пуговицы на мундире, чистить сапоги и безотлучно находиться при коне. Немец называл Кольку незнакомым словом "жокей". Малый воспринимал его как "лакей" и бесился от унижения. Но вот однажды па рассвете по деревне сухо затрещали автоматы, захлопали гранаты, брызнули пули по окнам домов. Постоялец бабки Меланьи прибежал бледный, трясущийся и закричал на Кольку: ? Лешадь!.. Шнеллер!.. Прячься подле домов, он побежал обратно к школе, наверное, за ранеными или за госпитальным имуществом. В деревне разгорался бой. Яростно рычали немецкие пулеметы, резко визжали мины в воздухе, грохотали разрывы, и уже не понять было, где наши стреляют, где враги: все перемешалось. Колька кинул на голову шапчонку, не попадая в рукава, стал надевать шубенку и уже на ходу приказал: ? Бабушка, в подполье спрячься! ? Колюшка, осторожней! ? крикнула ему вслед бабка, но внук уже не слышал ее. Бабка Меланья и не думала спускаться в подполье. Она пала среди кухни на колени и, волоча разом ослабевшие ноги, поползла в горницу, отбивая земные поклоны Богородице-матери, которая умильно поглядывала из переднего угла на этот беспокойный мир. ? Сокруши супостата! ? молила бабка Меланья. ? Сниспошли победу воинам земли православной, покарай чужеземцев... Обнеси, пуля, чело людей родных, угоди в сердце ворогу... Тут, в горнице, за молитвой и застали бабку Меланью Кушке и Генрих. ? Где мальшик? ? заорал на бабку Кушке. ? Чего? ? не поняла бабка. ? Где есть мальшик? Твой внук? Где? ? Да леший его знает, ? отозвалась бабка. ? Убежал, должно, куда. А зачем он вам понадобился?.. Пальба в деревне усилилась. Мимо дома Меланьи Тимофеевны промчалась машина, другая, разбрызгивая похлебку из парящей кухни, проскакали кони. Следом бежали немцы, отстреливались. Бабка, наблюдая краем глаз за тем, что творится на улице, засуетилась: ? Я счас сыщу внука-то, сыщу. ? И быстренько засеменила из дому. ? Колька! Ко-о-олька! Где ты, нечистый дух! Тебя лекарь Кешка спрашивает... Но Колька не отзывался. Генрих громко выругался, догнал бабку в сенках, схватил ее за седые реденькие волосы и дернул так, что упала Меланья Тимофеевна. ? Где внук? ? топал ногами на нее Кушке. ? Он спрятал сбруя! Отвечай! Бабка Меланья усмехнулась и ничего не ответила. Немцы принялись пинать ее сапогами, топтать ее волосы за волосы по полу. А она вдруг поднялась и пригрозила врагам сухоньким, почти детским кулаком: ? Не уйдете с земли нашей! Проглотит она вас!.. Ударил санитар каблуком в лицо старушки, а Кушке из пистолета выстрелил в ее узенькую грудь. Дернулась Меланья Тимофеевна, судорожно царапнула ногтями половицы, вытертые за долгие годы ее руками до сучков, всхлипнула и замолкла. Струйка крови выкатилась из бабкиного рта, расплылась по полу и потекла в щель. Пока бабка "заговаривала зубы" немцам, пока они били ее да суетились в ограде, отыскивая сбрую, обошли деревню наши части, полоснули по ней из автоматов с другого конца. Кинулись Кушке с санитаром на улицу, а там уже от дома к дому красноармейцы перебегают и сыпят из оружия так, что головы не поднять. Крикнул что-то Кушке санитару и, открыв задние ворота двора, побежал через огород к лесу. Колька лежал за баней в бурьяне на хомуте и шлее. Кушке и долговязый постоялец, храпя, как загнанные лошади, пронеслись рядом, перемахнули через огород. Но из лесу, роняя сосны, сминая кусты, с рыком вынырнули танки, бухнули из пушек и понеслись к деревне. Те немцы, что успели убежать за деревню, бросились назад, начали руки поднимать. Кушке с Генрихом снова в огород ринулись и уже не через забор, а между жердями. Карабин санитар застрял в жердях. Должно быть, немцу почудилось, что его кто-то схватил сзади, он взвыл по-дурному, яростно рванулся и побежал вслед за начальником уже без карабина. Оба заскочили в баню и там затаились. Колька приподнял голову, огляделся. Дым над деревней клубился, стрельба утихла. Из домов начали выбегать люди. Мальчишка подпер дверь бани колом и помчался во двор. В распахнутых дверях сеней Колька увидел бабку Меланью и, поднимаясь по лесенке, тревожно спросил: ? Ты ч?, баб? ? и вдруг услышал: что-то капало на сухие венники, свешанные под крыльцом, где раньше любили нестись куры. Из-под крыльца по земле медленно расплывалось багровое пятно. ? Бабушка! ? с ужасом закричал Колька и отпрянул в глубь крытого двора. Рядом кто-то равнодушно засопел. Пегий большеногий конь, невзирая на войну, жевал солому с громким смачным хрустом. Колька наморщил лоб, пытаясь понять что-то, затем одним прыжком вскочил на крыльцо, в сенки и стал торопливо щупать бабушкину руку. Но где находился пульт, Колька не знал, да и рука бабушки уже сделалась холодной. Тогда Колька стал пальцами открывать глаза Меланьи Тимофеевны, не веря и не желая

Астафьев Виктор Петрович Старый да малый astafevvictor.ru верить тому, что она мертвая! ? Бабушка, открой глаза, открой! ? упрасивал он, а потом заревел: ? Ну, открой же!.. Бабка глаза не открывала. Говоруня бабка молчала. Колька попытался утащить ее из сенок в избу, в тепло, перепачкался кровью, но тяжела сделалась маленькая бабушка, тяжела. Тогда Колька сжал кулаки, почти спокойным и оттого сразу повзрослевшим голосом произнес: ? Я сейчас, бабушка, я их... Он побежал к тому месту, где немец уронил карабин, схватил его и принялся палить в окно бани. ? Нате! Нате! Гады! Лиходеи!.. На выстрелы прибежали люди, отняли у Кольки карабин. Глянул Колька ? перед ним в шинели, с ремнем через плечо командир, свой командир, красный, русский, советский. Уткнулся Колька в пряжку ремня и разрыдался. Командир гладил мальчишку по спине, и по скулам его перекачивались желваки. Сквозь рыдания Колька проговорил, показывая на баню... ? Они там... Они... бабушку... Немцы забились на полок, на котором парятся люди русские венником. Вынули их оттуда красноармейцы, пистолет у Кушке отобрали. Увидел Колька постояльца своего и "благородного" Кушке с поднятыми руками, бросился на них, как зверек, царапать стал. Солдаты сначала вроде бы не замечали такого произвола в обращении с пленными, но потом со словами: "Будет, будет, малец!" ? оттащили Кольку от немцев. Те в страхе прятались за спины красноармейцев от осатаневшего кольки. Его они боялись больше. Командир с бойцами и с Колькой вошли в избу, подняли бабуку русские люди, положили на скамью, постояли над ней с обнаженными головами целую великую минуту. После этого накрыли Меланью Тимофеевну красноармейской плащ-палаткой, и командир, прокашлявшись, глухо сказал: ? Схоронить бабушку вместе с бойцами, павшими в бою за эту деревню. Один остался Колька. Схоронили бабушку Меланью Тимофеевну. Над ее могилой, как и над могилами бойцов, залп из винтовок дали и столбик со звездочкой поставили. Ходил Колька по избе как потерянный, не зная, что делать. Одно живое существо осталось с мальчишкой ? немецкий конь. Колька сначала и на коня злился, вилами по хребту его лупил, ругал всячески и есть ему не давал, а потом понял, что конь ни в чем не повинен, и принес ему с поля соломы. Часть, которая отвоевала у немцев Полуяры, ушла дальше. В деревне остановилась артиллерия. Запряг Колька послушного немецкого коня, сел в повозку и доставил к тому месту, где кухня стояла. Колька так полагаю: где кухня, там и штаб. Увидел Колька бойца с сытым лоснящимся лицом, поздоровался с ним и отдал ему вожжи: ? Сдаю коня в фонд обороны. В плен мы его с бабушкой взяли. Боец не оценил Колькиного великодушия и пренебрежительно заявил: ? На что он нам, у нас машины! Обиделся Колька. Боец его утешил: ? Береги, малый, конягу! Пригодится. Скоро пахота начнется, а колхоз у вас разоренный, вот и будет тягловая сила... ? Подумал боец, подумал и со вздохом добавил: ? Нам бы сейчас не лошадь, а картошки хоть центнер... И рассказал он Кольке о том, что воюют бойцы почти голодные. Застрали где-то из-за бездорожья снабженцы ? ни хлеба, ни табаку, ни продуктов нет. Кухня третий день не дымит. И он, повар Коротыч, есть сейчас распоследний человек в дивизионе, потому как дела своего не исполняет, ничего не варит и за это окружен, можно сказать, полным презрением со стороны героически сражающихся бойцов. Выслушал Колька повара Коротыча, сел в повозку и уехал. Повар с тоской посмотрел ему вслед. Снег набух, порывел, расплылся, дорога растерзана. Грачи над дорогой кружились, и совсем было непохоже, что скоро доберется сюда хоззаводовская машина с продуктами. Ушел Коротыч в избу, с глаз огневиков долой. А Колька выехал за деревню и повернул коня на глухую проселочную дорогу. Еще осенью, когда бродил мальчик с бабкой Меланьей, отыскивая госпиталь, видел он на дальних полях когаты ? траншеи, куда на зиму ссыпается картофель и закрывается несколькими слоями соломы и земли. Они с бабкой-покойницей брали на вареве картошки из такого сооружения. До поля Колька добрался уже к вечеру. Осмотрелся. Все поле в черных воронках. На меже танк с продырявленным боком, хобот в землю опустил. Убитые люди и лошади лежат. Противогазы, ранцы, винтовки валяются. Вороны кружатся, каркают. Жутко. Преодолевая страх, мальчик свернул на поле, отыскал когат. Но траншея оказалась раскрытой. Часть картошки из нее взята, а остальная замерзла. Поехал Колька дальше и вскоре наткнулся на другой когат, ненарушенный. Расковырял сырую землю лопатой, солому разбросал. До полуночи грузил картошку малый, выдохся. Поспал здесь же, в когате, на соломе. С утра снова за работу принялся. Совсем обессилел Колька, а картошки в повозке все еще мало. Хорошо, что на поле пришли ребятишки с ближнего хутора за картошкой. Колька немедленно мобилизовал ребят и вместе с ними быстро догрузил повозку. Когда Колька привез картошку, повар Коротыч принародно обнял его и громогласно объявил, что Колька является истинным советским патриотом. От таких слов мальчишка сконфузился и поспешил скрыться. Вечером он принес охапку табачных корней. Коротыч до того расчувствовался, что еще раз назвал его патриотом и самолично зачерпнул мальчишке полный черпак картофельного пюре. В толченую картошку взамен сала были брошены лавровые листья. Коротыч берег редкостную по тем временам приправу на всякий случай, а может, и для блюд начальства, но тут

Астафьев Виктор Петрович Старый да малый astafevvictor.ru расщедрился. А весна уже разгулялась вовсю, согнала снег с полей, дороги стали подсыхать, снабжение боеприпасами и продуктами наладилось. Однажды с передовой пришла машина. На ней тесно сидели бойцы и пели песни. Все они были необычайно веселы и подтянуты. Повар Коротыч придирчиво осмотрел Кольку, велел ему снять старые сапоги, принес почти новые ботинки и приказал обуться. Когда бойцы выстроились на поляне возле штаба, Коротыч еще раз осмотрел Кольку и велел следовать за ним. У крыльца того дома, где размещался штаб, стоял стол, накрытый красной скатертью, и на нем коробочки. Колька догадался ? награды. Он еще никогда не видел, как вручают награды, и был очень рад, что Коротыч предоставил ему возможность посмотреть такое торжественное дело. Бойцы выходили из строя четким шагом, принимали коробочки из рук генерала и зычно гаркали: ? Служу Советскому Союзу! и вроде бы ничего такого особенного не происходило, а у Кольки в горле щекотно сделалось, и было для него все это очень даже трогательно. Он жалел о том, что не присутствует при такой церемонии бабка Меланья. Она-то уж не усидела бы дома, непременно пришла бы подивиться. Бабка никогда и никаких общественных мероприятий не пропускала. Она была очень любопытная бабка, любила людей послушать и сама поговорить любила. Хорошая была бабка. Семьдесят лет прожила она в родной деревне и никому зла не делала. Но пришли враги и убили ее. Над Полуярами кружились и громко кричали грачи, устраивая гнезда на тех деревьях, что уцелели от пожаров и бомб. По деревне шли и шли машины с пушками, кухнями, с минометами. А потом сделалось тихо на улицах. Самая большая война прошла по деревне Полуяры, которая сто лет стояла на земле, а может, и больше. Поубавилось в деревне жителей, прибавилось могил на погосте. Весна спешила утопить побитую деревню в зелени, заполнить палисадники птичьим щebetом. Весна селилась в Полуярах прочно и надолго. 1960

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!